

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.4

САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Горшков Михаил Константинович
Академик РАН,
директор Института социологии РАН,
г. Москва,
e-mail: m_gorshkov@isras.ru

В статье автор обращается к теме национальной самобытности русской социологии и к поиску факторов этой самобытности. Специфика российской социологии определяется им тремя оценочно-аналитическими измерениями: исторические корни; субстанциональное и институциональное становление; современное состояние и ресурс дальнейшего развития. Отмечается, что утвердившийся плюрализм современной российской социологии связан с переосмыслением доминирующих мировых теоретических направлений. Делается вывод о необходимости научно-критического осмысления возможности применения накопленного западными социологическими школами знания, причем непременно в контексте формирования уважения к собственным национальным традициям социального мышления.

THE ORIGINALITY OF RUSSIAN SOCIOLOGY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL TIME

Mikhael K. Gorshkov
Academician,
Director of the Institute
of Sociology of RAS, Moscow,
e-mail: m_gorshkov@isras.ru

In the article the author turns to the theme of national originality of Russian sociology, and to the search for factors that originality. The specific of Russian sociology is identified with three estimate and analytical measurements: historical roots; substantial and institutional formation; current state and the resource for further development. It is noted that the institutionalized pluralism of contemporary Russian sociology is associated with the rethinking of dominant global theoretical trends. The conclusion about the necessity of scientific and critical thinking of the opportunities of the implementation of Western sociological schools of knowledge is made. Particularly in terms of formation of respect to their own national traditions of social thinking.

Ключевые слова: российская социология, самобытность, традиции, история, современность. **Keywords:** Russian sociology, originality, traditions, history, modernity.

Введение

В условиях современного глобализирующегося мира и переживаемых научным сообществом интеграционных процессов постановка вопроса о национальной самобытности отечественной социологии может показаться излишней. А кого-то и вовсе ввергнуть в состояние раздраженности и неприязни: «мол, опять русские стремятся показать свою особость, теперь уже в плане истории становления и развития социологической науки». Вместе с тем подобные реакции, если вдуматься, лишены оснований как минимум по трем причинам.

Во-первых, само понятие «самобытность» не таит в себе ничего предосудительного, ибо выражает, пользуясь широко распространенными синонимами, *своеобразие, специфичность и самостоятельность в развитии*. В моем выступлении речь пойдет о своеобразии и особом пути российской социологии, пути, который, повторяя русло развития мировой социологической мысли, не может не быть связан и обусловлен самобытностью истории, культуры и традиций самого русского народа, государства и общества.

Во-вторых, если уж говорить о влиянии процессов глобализации на парадигмы современных социальных наук в страновом контексте, то далеко не все национальные социологические школы спешат примкнуть к предлагаемым научными авторитетами концепциям настоящего и будущего мирового сообщества, зачастую мало в чем проецирующимся на реальное состояние и особенности развития конкретного национально-государственного образования. Это с очевидностью демонстрируют всемирные социологические конгрессы и форумы последнего десятилетия (в особенности выступления на них представителей стран БРИКС, а также социологических школ Японии, Франции, ряда скандинавских стран).

В-третьих, настороженное отношение к установлению самобытности русской социологии (как собственно и других национальных социологий) снимается обращением к категориям исторического и логического. В самом деле, если мы говорим о социологии как науке об обществе, то для нас не просто желательно, но и необходимо знать и понимать то общее и специфическое, существенно постоянное и динамично меняющееся, что происходит в жизни конкретного социума и определяет «его лицо».

Таким образом, суть вопроса состоит не в том, оправданно или нет обращение к теме национальной самобытности русской социологии, а в том, чем такая самобытность определяется, характеризуется и выделяется среди иных самобытностей.

Ответ на данный вопрос следует искать в трех оценочно-аналитических измерениях, которые для краткости и смысловой емкости можно определить следующим образом: *исторические корни; субстанциональное и институциональное становление; современное состояние и ресурс дальнейшего развития.*

Исторические корни российской социологии

Если начать с предпосылок, которые определили и само возникновение, и историческую логику становления отечественной социологии, то они, пожалуй, как нигде, были обусловлены своеобразием общественной жизни России XVIII–XIX вв. О чем идет речь?

Прежде всего, о том, что в течение длительного времени проблемы состояния и развития общества освещались в России преимущественно посредством художественных средств (поэзии, прозы, публицистики и т.д.). Неслучайно, рассуждая о великом русском критике Белинском, Г.В. Плеханов характеризовал его как великого социолога [1]. Что же касается идейной основы возникновения отечественной социологической мысли, то она, безусловно, неразрывно связана с трудами Ю. Крижанича, М.В. Ломоносова, А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева, а также с произведениями русского философа, поэта и критика В.С. Соловьева. В своих работах они не только дали блистательные образцы социологического анализа российского общества и личности, но и доказали, что в понимании многих вопросов государственного устройства и общественных отношений российские мыслители не уступают своим коллегам из других стран, а в чем-то их и превосходят.

Нельзя не признать, что возникновению социологии в России как самостоятельной области научных знаний предшествовал период развития общественной мысли, совпавший с появлением и четким разграничением двух мировоззренческих ориентаций: *западнической* и *славянофильской*. Первое направление было ориентировано на усвоение и развитие на российской почве идей великих европейских философов – Канта, Гегеля, Фихте и т.д. В свою очередь, славянофильство предполагало приоритетное осмысление исторической судьбы России, ее культуры и места в мировой цивилизации. Но это вовсе не закрепощало отечественную социальную мысль, не вынуждало обществоведов того времени придерживаться узких рамок, а наоборот – стимулировало их стремиться к синтезу идей, полемике с западной наукой [2–6].

Нельзя не сказать и о том, что важнейшей исходной особенностью российской обществоведческой мысли того времени явился *органический подход к обществу*. Он заключался в стремлении представить мир как некое иерархически устроенное целое, где общество и человек – взаимодействующие элементы. Этим определялась склонность мыслителей России к широчайшим социологическим обобщениям, базирующимся на основе описания всемирной социальной эволюции и принципа единства микрокосма и макрокосма.

Однако, пожалуй, главной особенностью начального этапа развития социологии в России оказалось, по признанию большинства экспертов, большое влияние на данный процесс сложившихся в середине XIX в. течений – *позитивизма* и *марксизма*. И это вполне закономерно, поскольку при всей самобытности русской социологии ее становление происходило в общем русле развития мировой общественной мысли. И если говорить о начальном этапе зарождения отечественной социологии (50–90-е гг. XIX в.), то, как и на Западе, *она возникла в лоне позитивистской доктрины, предложенной О. Контом*.

Примечательно, что уже в 1845 г. работы Конта имелись в библиотеке петрашевцев – участников собраний разночинной русской интеллигенции, благодаря чему с ними мог ознакомиться большой круг молодежи. Позитивизм и социологические идеи О. Конта активно обсуждались в кружке В.Г. Белинского, бывшего в то время властителем дум интеллектуальной молодежи, внимательно следившей за духовной жизнью Европы. И здесь нельзя не вспомнить Валериана Майкова – рано скончавшегося молодого писателя (1823–1847), давшего в своей неоконченной работе «Общественные науки в России» (1845 г.) емкую трактовку контовского «Курса позитивной философии».

В.Н. Майкова называют первым русским позитивистом. Еще при жизни О. Конта он первым познакомил Россию с его идеями и заговорил о необходимости создания новой науки об обществе. Поразительно, как еще совсем молодой для понимания сути социальных наук человек сумел дать глубокий критический анализ состояния общественных дисциплин того времени и предвидеть будущность русской социальной науки. «Мы поняли теперь, – писал В.Н. Майков, – что само разнообразие цивилизации западноевропейских народов свидетельствует об односторонности каждого из них, что мы должны делать строгий выбор между тем, что должно и чего не должно у них заимствовать. Следовательно, первые шаги наши на поприще создания национальной науки должны состоять в строгом критическом разборе наук Запада» [7].

Обращаясь к истокам отечественной социологии, нельзя не заметить, что отличительной чертой общественной жизни России середины XIX в. стало динамичное развитие социальной мысли, связанное с выходом работ П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, написанных в русле методологии позитивизма. Именно с этого времени, по словам Н.И. Кареева, и началась в России по-настоящему социологическая литература.

В позитивизме русских социологов привлекало стремление к научному методу, к логике современной науки, к созданию целостного учения об обществе. В духе Конта уже на начальном этапе становления русской социологии осмысливается и ее функция: *социология рассматривается как интегративная наука*, опирающаяся на синтез всех научных знаний и разрабатывающая всеобщие социальные законы. Неслучайно характерной чертой первых отечественных социологов стала тяга к всеобъемлющим обобщениям, опора на колоссальный и разнородный эмпирический материал.

По мере развития новой науки достаточно быстро нарастало количество публикаций. Когда в 1897 г. вышел в свет первый учебный обзор по социологии Н.И. Кареева («Введение в изучение социологии»), его библиография, состоявшая из почти 900 работ, насчитывала около трети изданий, принадлежавших русским авторам. Стали складываться школы и направления социологических исследований: *натуралистическая социология*, представленная в различных формах (Н.Я. Данилевский, А.И. Стронин, Л.И. Мечников и др.), *психологическое направление* (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, Н.И. Кареев, Е.В. де Роберти и др.), *школа М.М. Ковалевского*. Утверждается *экономический материализм* как марксистская социология, представленная в двух вариантах: ортодоксального марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов-Ленин) и так называемого легального марксизма (П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.И. Туган-Барановский).

С конца XIX – начала XX в. доминирует мнение, согласно которому социология представляет собой одну из многих социальных наук, имеет собственный предмет исследования и специфические задачи. Именно в таком понимании она все более органично внедряется, принимается в научных и общественных кругах и, что очень важно, проникает в академическую среду. Одновременно социологический подход начинает широко использоваться и в других социальных дисциплинах.

Столь бурное и разноплановое развитие русской социологии приводит к тому, что она *выходит на международную арену, причем выходит на равных с ведущими социологическими школами*. Русские социологи, прежде всего благодаря деятельности М.М. Ковалевского, актив-

но участвуют в работе Международного института социологии, регулярно проводившего международные конгрессы. Три русских социолога (П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин) избирались президентами института, что, безусловно, говорит о международном признании отечественной социологии.

Огромный вклад в достижение этого признания внес Максим Максимович Ковалевский. Как известно, в центре его социологических воззрений находилось учение о солидарности и общественном прогрессе. «Без идеи прогресса, – подчеркивал он, – не может быть социологии, самый же прогресс... сводится к расширению сферы солидарности» [8].

М.М. Ковалевский критиковал однофакторные точки зрения, получившие широкое распространение на Западе, *подчеркивая системный характер социальных взаимодействий*. Впоследствии эту центральную идею социологии поддержал Т. Парсонс, выстроив на ней системную теорию структурно-функционального анализа. Активно используя сравнительно-исторический метод, М.М. Ковалевский стал активным продолжателем идей позитивизма.

Невольно задумываешься: как бы творчески насыщено и influentially могла сложиться судьба отечественной социологии, закрепиться процесс ее институционализации и раскрыться ее национальная самобытность, если бы не еще одна характерная черта ее эволюции – неприятие (в отличие от тех же западных стран) социологической науки властями предрешающими, влияние на ее развитие политических процессов и событий. Начало резко негативному отношению к социологии положил отнюдь не сталинский режим, о чем еще до сих пор нередко говорят в студенческих аудиториях, а царские власти, в особенности конца XIX – начала XX в. Дело дошло до того, что на волне отождествления социологов с социалистами в Россию был запрещен ввоз социологической литературы, а Русскую высшую школу общественных наук (которую справедливо называют первым русским факультетом социологии) пришлось открывать в 1901 г. в Париже. Несмотря на политическое давление и французских, и российских властей, за несколько лет своего существования эта школа сумела выпустить сотни слушателей, ставших уже в России проводниками передовых социологических идей. Однако царский режим не уступал: под угрозой лишения участников школы российского гражданства через несколько лет (1906 г.) ее пришлось закрыть.

Субстанциональное и институциональное становление социологии в России

И все же после длительного противостояния и не без влияния уроков первой русской революции (1905–1907 гг.) наконец начала решаться проблема институционализации российской социологии. По личному разрешению Николая II в 1908 г. в Петербурге был открыт частный Психоневрологический институт во главе с академиком В.М. Бехтеревым с первой русской социологической кафедрой, которую возглавил М.М. Ковалевский, а позднее – П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев. Конечно, надо признать тот исторический факт, что первая отечественная кафедра социологии открылась на 16 лет позже социологической кафедры при Чикагском университете. Но понятны и политические причины произошедшего. И все же главное, что ее создание состоялось и продемонстрировало научную устремленность русских социологов. К тому же кафедра провела большую работу по организации обучения социологии и подготовила четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии».

С этого периода, можно сказать, развитие российской социологии вновь активизируется. Нарастает процесс ее институционализации: в 1912 г. открывается социологическая секция при историческом факультете Петербургского университета, а в марте 1916-го учреждается Русское социологическое общество, получившее после кончины М.М. Ковалевского его имя (май 1916 г.). В 1919 г. в Петроградском и Ярославском университетах образуются кафедры социологии. А в 1920 г. в Петроградском университете открывается первый в России факультет общественных наук с социологическим отделением во главе с П.А. Сорокиным.

Национальную самобытность отечественной социологии определяют не только своеобразие ее теоретико-методологических основ, но и ее *эмпирическое наполнение*. Прежде всего, привлекает своей основательностью методический аппарат российской эмпирической социологии 1920-х гг., к сожалению, до сих пор еще недостаточно изученный и в очень малой степени востребованный в более поздний период (1960–1970-е гг.) [9]. А между тем понимание самобытности российской прикладной социологии первых послереволюционных десятилетий невозможно вне учета общественно-политической обстановки, сложившейся в стране в тот период. Накопление эмпирического опыта в деле строительства новой жизни, осознание необходимости перехода в работе с населением от прямолинейных «агиток» к научно-исследовательским методам *создали почву для возникновения отраслевой социологии*, причем на представительном, а порой уникальном практическом материале

труда, быта, культуры, социальной структуры. В этом нетрудно убедиться, обратившись к проблематике прикладных исследований того времени, среди которых – бюджет времени рабочих, крестьян и служащих, социологическое изучение села, труда и быта инженерно-технического персонала, исследование кинозрительской и читательской аудитории, методические особенности социального обследования детства и многое другое.

Результаты исследований освещались более чем в десяти журналах по проблемам условий организации труда и управления, что стимулировало интерес к социологии. В свою очередь, все более широкое обращение к конкретным социологическим исследованиям способствовало росту числа методических разработок, которые были сродни американской эмпирической социологии. И хотя в советской социологии работа над методикой и техникой прикладных исследований зачастую осуществлялась путем проб и ошибок, тем не менее происходило активное накопление практического опыта организации и проведения исследований, комплексного использования различных социологических методов. При этом активно практиковалось ставшее традиционным для российской социологии обращение к социальной статистике.

Еще один вопрос, который заслуживает внимания: следует ли, поднимая тему самобытности отечественной социологии, апеллировать к сталинскому периоду жизни Советского государства и общества? Полагаю, что следует, тем более что благодаря широкому доступу к архивным материалам обнаруживаются документы и факты, ставящие под сомнение радикальные оценки отношения к социологической науке в СССР в 1930–1940-е гг. Прежде всего, речь идет об известном тезисе, согласно которому в послереволюционный период социология (и даже само это понятие) была запрещена как «буржуазная лженаука».

Действительно, с конца 1930-х гг. социология «выпала» из системы советского обществоведения на несколько десятилетий. Однако, согласно последним исследованиям историков социологии ИС РАН, какого-либо специального постановления партийных или научно-административных органов власти, санкционировавшего это «выпадение», не обнаружено. В отличие, например, от реального запрета такой отрасли научно-исследовательской деятельности и общественной практики, как популярная в стране в 1920–1930-е гг. педология. В результате принятого в июле 1936 г. постановления ЦК ВКП(б) она буквально за месяц была ликвидирована с одним-единственным наставлением: «желающих педологов-практиков перевести в педагоги» [10].

Заметим, что социологи не проходили и по нашумевшему процессу в отношении ученых – так называемому «академическому делу» 1929–1931 гг., поскольку в Академии наук СССР их попросту не было. В числе репрессированных тогда оказались историки, филологи, географы и даже геологи. Разумеется, новые данные ученых ИС РАН не означают, что социология, как и социальная философия, не понесла урона в 1920–1930-е гг. Среди известных социологов, попавших в кампанию по высылке гуманитарной интеллигенции, – университетские профессора П.А. Сорокин (с чьим именем в основном и ассоциируется репрессирование отечественной социологии в начале 1920-х гг.) и Б.Д. Бруцкус – экономист-аграрник со значительной тягой к социологии, а также социальные философы И.А. Ильин, С.О. Франк, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, И.И. Лапшин, А.В. Фроловский и др. Некоторые видные ученые-обществоведы эмигрировали добровольно (П.И. Новгородцев, Е.В. Спекторский, С.Н. Тимашев и др.). Но были и те, кто после революции не уехал из России и стремился развивать социологию в условиях советской власти. Среди них – Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев, А.С. Лаппо-Данилевский, П.А. Флоренский и многие другие.

Так что же означают не только сложившаяся вокруг социологии мрачная атмосфера, но и реальные факты идеологического и организационного давления на нее советского режима? Наверное, правильное всего говорить не о слабостях самой российской социологии 1920–1930-х гг., которая при всем своем институциональном несовершенстве накопила за предшествующие 70 лет солидный ресурс научной самобытности и заняла видное место в мировой социологической мысли, а о *воздействии на нее системных политических и социальных условий того времени*. Условий, в которых утвердившаяся советская власть предписывала обществу жесткие рамки, обусловленные идеологией, теорией и практикой советского строительства. Что же касается социологической науки, то ее функции в этом контексте были, по сути дела, переданы марксистско-ленинской философии и другим социально-гуманитарным дисциплинам. Однако это не означало ликвидации социологического знания и самого термина «социология». В среде осторожных обществоведов, оглядывавшихся на их «буржуазное» происхождение, они становились, можно сказать, «плавающими», амбивалентными. В итоге с середины – конца 1930-х гг. для российской социологии наступает период забвения, а точнее сказать, ее перехода в латентное состояние.

Причины такого перехода очевидны – переломные исторические события в России: две революции 1917 г., Первая мировая и Граждан-

ская войны, индустриализация и коллективизация народного хозяйства, внедрение плановых начал в управление экономикой. Однако притом, что политико-идеологические каноны советской власти предъявляли к социологии жесткие требования, дух и буква дореволюционной русской социологии, уровень ее научного развития (причем не менее высокий, чем социологии европейской и американской) не могли исчезнуть по чьему-либо велению, а потому она естественным образом (по известной формуле: «Я – мысль, а мысль убить нельзя!») сохраняла свои традиционные и самобытные черты.

Остается, конечно, вопрос о личном отношении к социологии И. Сталина. Имеющиеся документальные свидетельства говорят о том, что специально по этому поводу вождь не высказывался и явных претензий, к тому же в публичной форме, к социологии не предъявлял. Более того, как установлено, случалось и такое, что он использовал термин «социология» в «положительном смысле». Уместно в контексте нашего разговора напомнить и о том, что в своей известной работе «О диалектическом и историческом материализме» 1938 г. И. Сталин поделился следующим признанием: «Наука об истории общества... может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения» [11].

С началом периода хрущевской оттепели акцент в возрождении социологии пришелся на область ее прикладных функций и обоснование значимости эмпирических методов познания социума. В этот период стали налаживаться зарубежные контакты. В 1956 г. советские ученые впервые приняли участие в заседании Международной социологической ассоциации, а в последующее десятилетие СССР посетили Арон, Мертон, Парсонс и другие представители западной социологии. С созданием в 1962 г. Советской социологической ассоциации была завершена официальная институционализация отечественной социологии. В 1968 г. специальным постановлением Совета министров СССР в стране был создан первый академический институт социологии – Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ АН СССР), причем с отделами в ряде крупных городов. С середины 1960-х гг. стала активно издаваться социологическая литература, начали выходить периодические сборники «Социальные исследования» и «Информационный бюллетень ССА», монографии и сборники по социологической проблематике.

В этот же период в стране появились социологические центры, ведущие систематическую работу над совершенствованием научного аппарата исследований. Так, ленинградские социологи плодотворно занимались разработкой методики сбора первичной информации, Новоси-

бирские – совершенствованием математического аппарата исследования социальных процессов, таллинские исследователи – вопросами компьютерной обработки социологических данных и т.д.

Начиная с середины 1960-х гг. экстенсивное развитие получили социологические исследования в различных отраслях промышленности (заводская социология), стали создаваться социологические подразделения в союзных республиках.

В начале 1980-х гг. появились признаки нового политико-идеологического давления на советскую социологию. Была предпринята попытка подменить социологические исследования опросами общественного мнения. Но начиная с конца 1980-х гг. постановлениями ЦК КПСС социология была призвана для решения задач политики перестройки М. Горбачева. В 1989 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова и Ленинградском университете создаются социологические факультеты, положившие начало формированию в стране системы высшего профессионального социологического образования.

В 1991 г. с созданием Российской академии наук закрепляется образование Института социологии в структуре РАН, а в 1992 г. – правопреемником ССА становится Российская социологическая ассоциация – ныне Российское общество социологов (РОС), представляющее интересы отечественной социологии в Международной социологической ассоциации.

Заключение

В заключение правомерно поставить вопрос: чему же учит анализ противоречивого процесса становления русской социологии, осмысление ее национальной самобытности?

Прежде всего, конечно, тому, что любые научные (как и иные) институты формируются и проявляют себя через систему общественных отношений, которые складываются в конкретно-исторических условиях. Перефразируя известную ленинскую формулу, можно сказать так: существовать в обществе и быть свободным от общества нельзя. Это не под силу даже социологии, науке, по природе своей глубоко аналитической, независимой, а временами и непокорной.

Вместе с тем уроки истории учат и тому, что социология является важным ресурсом изменений в общественной жизни и общественных институтах, который вбирает в себя способы рационального осмысления социальных проблем. А это означает, что она изначально представляет собой *способ самопознания общества*.

Однако данный способ самопознания может существенно меняться в ходе исторических трансформаций, переживаемых обществом.

Вступление в каждый новый этап развития означает рождение нового взгляда общества на самое себя. А это значит, что социологическое мышление приобретает новые параметры в своем собственном содержании, что и отражает эволюция национальной самобытности российской социологии.

Что это означает? А то, что понятие общество, в том числе и такое своеобразное, как Россия, возможно только на основе ее собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь общества не уходят в прошлое бесследно. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к инновациям современности. В этом, по мысли А.Г. Здравомыслова, и состоит одна из дилемм социального мышления: оно не может освободиться от сложившихся форм мышления в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в то же время оно не может существовать без постоянного обновления [12].

Получается, что специфика социологического мышления и заключается в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории.

Безусловно, отрадный факт, что на всех этапах развития отечественной социологии, в особенности в нынешний период, ее отличает многообразие научных школ, приверженность российских социологов разным теоретическим концепциям и взглядам, методическим подходам. Печально другое, когда различия в научных позициях становятся причиной личного неприятия оппонента, что в конечном счете оборачивается разобщенностью профессиональных связей, слабостью корпоративного научного духа.

История становления и развития отечественной социологической науки демонстрирует, через какую острую борьбу и конфликты она пробивала себе дорогу в жизнь, завоевывала научный авторитет и влияние в системе управления государством и обществом. Без преувеличения можно сказать: вряд ли какая из отраслей общественного знания испытала на себе подобные «хождения по мукам», особенно в послевоенный период, когда решалась задача возрождения и утверждения лучших достижений и традиций отечественной социологии, ее конституирования в качестве самостоятельной науки.

Тем не менее, и в современной России социологическая наука постепенно включается в такие сферы деятельности, как принятие государственных решений, законодательный процесс, организация науки и образования, журналистика, маркетинг, реклама, избирательные кампа-

нии, общественная и правозащитная деятельность и т.д. Другое дело, что результаты, получаемые социологами, конечно, можно было бы использовать эффективнее – как инструмент подъема экономики в масштабах всей страны и отдельных ее регионов, улучшения управления предприятиями и их персоналом, совершенствования социальной политики, решения проблем неравенства, бедности, урегулирования этнических и религиозных конфликтов.

Утвердившиеся сегодня открытость и плюрализм современной российской социологии означают, что идет напряженный творческий процесс переосмысления доминирующих в мировой литературе теоретических направлений с тем, чтобы они приобретали значимость с точки зрения анализа российской социальной реальности в ее политическом, экономическом и культурном измерениях. При этом российская социология связана сегодня с зарубежными социологическими школами, направлениями и соответствующими университетами. В этом – одно из ее преимуществ, так как она не замкнута в рамках некоторой самобытной ортодоксии.

Вместе с тем во многих регионах мира (прежде всего в странах БРИКС) укрепляются тенденции преодоления гегемонии западной социологии и поиска источников науки об обществе, соответствующих национальной культуре и актуальным запросам конкретного социума. К настоящему времени многие национальные социологи, можно сказать, преодолели стадию ученичества у западной социологии, которая продолжалась с конца XIX до начала XXI в. От конгресса к конгрессу Международной социологической ассоциации появляется все больше примеров того, что национальные социологи активно разрабатывают самобытные методологии и теории социологических исследований, предлагая мировому сообществу весьма оригинальные и необычные научные тренды.

Российская социология, к большому сожалению, во многом утратившая преемственность с дореволюционной социологией и пережившая в 1990-е гг. подражательный этап своего развития, оказалась в качестве «догоняющей». До сих пор она еще не в полной мере отвечает императивам времени, предлагая концепты, не во всем соответствующие ее интеллектуальным достижениям прошлого и настоящего. Отсюда, по сути дела, естественным образом вытекает непереносимое условие плодотворности развития современного российского социологического поля – научно-критическое осмысление возможности применения накопленного западными социологическими школами знания, причем непременно в контексте формирования уважения к собственным наци-

ональным традициям социального мышления, использования багажа собственных школ социологического знания, и осуществление на этой основе собственного социологического осмысления российских реальностей.

Литература

1. Плеханов Г.В. Соч. в 24 т. М.; Л., 1923–1927. Т. X.
2. Куреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984.
3. Кошелев А.И. Избранные труды. М., 2010.
4. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002.
5. Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009.
6. Славянофилы: историческая энциклопедия / авт.-сост. О.А. Платонов. М., 2009.
7. Майков В.Н. Общественные науки в России // Финский вестник. 1845. Т. 1. Отд. IV. С. 1–56.
8. Ковалевский М.М. Соч. в 2 т. Т. 1: Социология / отв. ред. А.О. Бороноев. СПб., 1997. С. 96–102.
9. Шереги Ф.Э. Методический аппарат прикладной социологии 1920-х годов // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.
10. Козлова Л.А. Послереволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 105–113.
11. Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник Академии наук. 1991. Т. 60, № 10.
12. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире / под общ. ред. Н.И. Лапина. М., 2010.

References

1. G.V. Plekhanov. Soch. v 24 t. M.; L., 1923–1927. T. X.
2. I.V. Kireevskiy. Izbrannye stat'i. M., 1984.
3. A.I. Koshelev. Izbrannye trudy. M., 2010.
4. I.S. Aksakov. Otchego tak nelegko zhivetsya v Rossii? M., 2002.
5. A.F. Gil'ferding. Rossiya i slavyanstvo / otv. red. O.A. Platonov. M., 2009.
6. Slavyanofily: istoricheskaya entsiklopediya / avt.-sost. O.A. Platonov. M., 2009.
7. V.N. Maykov. Obshchestvennye nauki v Rossii // Finskiy vestnik. 1845. T. 1. Otd. IV. P. 1–56.
8. M.M. Kovalevskiy. Soch. v 2 t. T. 1: Sotsiologiya / otv. red. A.O. Boronoev. SPb., 1997. P. 96–102.
9. F.E. Sheregi. Metodicheskiy apparat prikladnoy sotsiologii 1920-kh godov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1978. № 1. P. 192–201.
10. L.A. Kozlova. Poslerevolyutsionnaya rossiyskaya sotsiologiya: neudavshayasya popytka sovetizatsii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. № 12. P. 105–113.
11. G.S. Batygin. Sovetskaya sotsiologiya na zakate stalinskoy ery (neskol'ko epizodov) // Vestnik Akademii nauk. 1991. T. 60, № 10.
12. A.G. Zdravomyslov. Pole sotsiologii v sovremennom mire / pod obshch. red. N.I. Lapina. M., 2010.

Поступила в редакцию

28 октября 2016 г.